

В.В. Макашова

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«УЧЕНИЕ» В КОМЕДИИ Д.И. ФОНВИЗИНА «НЕДОРОСЛЬ»**

Аннотация. Рассматривается вопрос о функционировании концептуальных метафор со сферой – источником «учение» в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» с позиций теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. При исследовании концептуальных метафор в данном произведении мы использовали общенаучные методы: описательный метод; метод систематизации материала; метод анализа и синтеза; математико-статистический анализ. Также мы апеллировали к специальным методам исследования: лингвокогнитивному анализу и методу стилистической интерпретации. Нами было установлено, что концептуальные метафоры со сферой-источником «учение» репрезентированы в комедии Д.И. Фонвизина в виде ряда метафорических выражений. Анализ метафорических выражений позволил выделить пять базовых концептуальных метафор, эксплицированных в текстовом пространстве рассматриваемого литературно-художественного произведения. Отмечена активизация следующих концептуальных метафор: «учение – это излишество», «учение – это унижение дворянской чести», «учение – это притворство», «учение – это мучение», «учение – это путь к благонравию». Сделан вывод, что непросвещенному дворянству свойственно представление об учении как об инструменте получения материальной выгоды, унижительной необходимости, воплощении страдания и опасности для ума. Истинно же образованное дворянское сословие видит в учении смысл лишь тогда, когда ему сопутствует добродетель.

Ключевые слова: теория концептуальной метафоры, метафора, метафорическое выражение, учение, Д.И. Фонвизин.

V.V. Makashova

**CONCEPTUAL METAPHORS USING SOURCE DOMAIN TEACHING
IN THE COMEDY OF D.I. FONVIZIN “NEDOROSL”**

Abstract. The question of the functioning of conceptual metaphors with a sphere-the source of the TEACHING in the comedy of D.I. Fonvizin “Nedorosl” is considered from the standpoint of the theory of conceptual metaphor of J. Lakoff and M. Johnson. We have found that conceptual metaphors with the sphere-the source of the *Teaching* are represented in the comedy of D.I. Fonvizin in the form of a number of metaphorical expressions. The analysis of metaphorical expressions allowed us to identify 5 basic conceptual metaphors explicated in the text space of the literary and artistic work under consideration. We noted the activation of the following conceptual metaphors: “*Teaching is Excess*”, “*Teaching is the Humiliation of Noble Honor*”, “*Teaching is Pretense*”, “*Teaching is Torment*”, “*Teaching is the Path to Good Morals*”. We have come to the conclusion that the unenlightened nobility is characterized by the idea of teaching as a tool for obtaining material benefits, humiliating necessity, the embodiment of suffering and danger to the mind. A truly educated noble class sees meaning in teaching only when virtue accompanies it.

Keywords: theory of conceptual metaphor, metaphor, metaphorical expression, teaching, D.I. Fonvizin.

Макашова Виктория Вячеславовна

аспирант кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов, Москва. Сфера научных интересов: метафорическое моделирование, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ. Автор 7 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: Viktoria_m27@mail.ru

Изучению феномена метафоры посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов, философов, логиков, психологов. Отметим, что сегодня особое значение приобретает проблема взаимосвязи метафоричности языка и мышления. В современных работах обосновано непосредственное участие метафоры в формировании картины мира языковой личности, организации процессов «категоризации, концептуализации, оценки и объяснения» [1, с. 16] окружающей действительности, получающих отражение в языке. Следовательно, метафора воспринимается как ключевой когнитивный механизм. Истоки подобного представления восходят к теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Исследователи определяют метафору как инструмент мышления, эксплицируемый в языке в виде комплекса метафорических выражений.

Дж. Лакофф и М. Джонсон констатируют, что концептуальные метафоры представляют собой опыт взаимодействия индивида с объективной реальностью и характеризуются значимым когнитивным потенциалом. Концептуальные метафоры и передаваемые ими культурные коннотации настолько прочно закрепляются в ходе коммуникации, что нередко сложно установить их метафорическую природу.

Основной тезис концептуальной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит во взаимодействии двух струк-

тур знаний – когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. В процессе метафоризации возникает метафорическая проекция, в результате которой сфера цели структурируется по образу и подобию сферы источника. Из этого авторы заключают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [2, с. 27]. Подчеркнем, что, в отличие от сферы цели, сфера источника содержит более конкретное знание о воспринимаемой индивидом действительности.

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсон убедительно доказано, что, будучи орудием мышления, концептуальные метафоры управляют интеллектуальной деятельностью и поведением личности. Раскрывая данное положение, исследователи говорят о воздействии, оказываемом метафорой, с целью достижения различных коммуникативных целей. Именно по этой причине на посткогнитивном этапе метафора рассматривается как интегративный феномен, имеющий в составе языковой, концептуальный и коммуникативный уровни.

Рассмотрим функционирование концептуальных метафор со сферой-источником «учение» в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» с позиций теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Актуальность исследования обусловлена важностью концептуального осмысления комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», достигаемого

посредством изучения ряда концептуальных метафор, объективированных в языке литературно-художественного произведения. Новизна исследования состоит в том, что концептуальные метафоры в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» ранее не подвергались системному анализу с точки зрения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Цель исследования определяет использование как общенаучных методов (описательного метода; метода систематизации материала; методов анализа и синтеза; математико-статистического анализа), так и специальных методов (лингвокогнитивного анализа и стилистической интерпретации).

Основываясь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы проанализировали концептуальные метафоры, представленные в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

Выбор текста, послужившего материалом для лингвокогнитивного анализа, случаен. Дело в том, что центральное место в пьесе Д.И. Фонвизина занимает проблема обучения дворянства. В произведении отчетливо противопоставлены две категории персонажей: невежественные дворяне, отстаивающие устаревшие крепостнические устои, и образованные дворяне, придерживающиеся новых идей просвещения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в рамках преподавания русского языка и литературы в старшей школе, на факультативных занятиях по углубленному изучению творчества Д.И. Фонвизина, а также в практике вузовского преподавания, например в специальном курсе по лингвистической концептологии, теории языковой личности и языковой компетенции автора, психолингвистике, филологическому анализу текста, литературоведению.

Мы выявили 18 метафорических выражений, эксплицирующих в художественном тексте концептуальные метафоры со сферой-источником «учение». Семантическая классификация отобранных метафорических выражений позволила выделить пять базовых концептуальных метафор, репрезентированных в текстовом пространстве комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

Нами была отмечена активизация следующих концептуальных метафор, объективирующих процесс обучения в рассматриваемом произведении:

1. «Учение – это излишество»:

а) Г-жа Простакова (Тришке). <...> *Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. <...> Скажи, болван, чем ты оправдаешься?*

Тришка. *Да вить я, сударыня, учился самоучкой.*

Г-жа Простакова. **Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!** [3, с. 87]

б) Г-жа Простакова. <...> *Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?* [3, с. 97]

в) Г-жа Простакова. **Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и кончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажать и сохранить** [3, с. 167].

г) Скотинин. *Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалейча. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел. А какова была головушка!* [3, с. 167]

Данные примеры раскрывают мысль о том, что процесс обучения не имеет существенного значения для дворянских семей Простаковых-Скотининых. Условием завоевания настоящего авторитета среди

Концептуальные метафоры со сферой-источником «учение» в комедии
Д.И. Фонвизина «Недоросль»

представителей непросвещенного дворянства становятся не беспрестанный учебный труд, а деловитость, расчет, умение извлекать для себя практическую выгоду. В подтверждение выдвинутого суждения может быть приведен другой фрагмент комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»:

Простаков. *То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.*

Г-жа Простакова. *Хоть бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!* [3, с. 93]

Таким образом, персонажам пьесы свойственен поверхностный подход к сущности учения: учение принимает уродливую форму, выступая сводом житейских правил, направленных на реализацию депотических наклонностей и получение материальной пользы.

2. «Учение – это унижение дворянской чести»:

а) Г-жа Простакова. <...> *Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому* [3, с. 96].

б) Г-жа Простакова. <...> *К статью ли, покойник-свет и руками и ногами, Царство ему Небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, что чему-нибудь учиться захочет* [3, с. 134].

Из указанных фрагментов следует, что в глазах семей Простаковых-Скотининых учение умаляет дворянское достоинство. Подобное убеждение глубоко укоренилось в невежественном сознании предков дворянских фамилий и теперь активно поддерживается потомками. Действительно, мысль о порочащем, унижительном характере обучения унаследована от отца семейства Скотининых. Умение же читать

признается клеймом на репутации «порядочного» дворянина, в обязанности которого входит лишь получение деловых бумаг и оглашение распоряжений.

3. «Учение – это притворство»:

а) Г-жа Простакова. <...> *Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троицким учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арифметике учит его, батюшка, отставной сержант, Цыфиркин. <...> По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман* [3, с. 96].

б) Г-жа Простакова. <...> *(К Стародуму.) Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. <...> Мы весь долг родительский исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим* [3, с. 134–135].

в) Г-жа Простакова. <...> *Друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудился, Митрофанушка.*

Митрофан. *Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь* [3, с. 137–138].

Основное предназначение образования Простакова-Скотинина видит во вступлении ее непутевого сына в высшее светское общество, которое становится необыкновенно близким, а потому и притягательным, в случае удачной женитьбы Митрофана на получившей неожиданное наследство племяннице Стародума Софье. Именно по этой причине Простакова-Скотинина побуждает богатого и почтенного Стародума оценить успехи ее нерадивого сына. А между тем домашние учителя, нанятые барыней обучать малограмотного «недоросля», оказываются такими же необразованными, как и она сама. Так, Кутейкин, бросивший занятия в семинарии на первом же курсе, преподает Митрофану грамоту, Цыфиркин, отставной сержант, – основы математики, Вральман, бывший кучер

Стародума, – французский язык и прочие науки. Все это подчеркивает комичность и наигранность такого обучения.

4. «Учение – это мучение»:

а) Цыфиркин. <...> *Вот у их благородия с парнем третий год на ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся* [3, с. 113].

б) Цыфиркин. <...> *Дал мне Бог ученичка, боярского сына. Бьюсь с ним третий год: перечесть не умеет* [3, с. 137].

в) Кутейкин. *Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот* [3, с. 137].

г) Митрофан. *Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться* [3, с. 138].

д) Г-жа Простакова. <...> *Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так, по мне, перестань* [3, с. 141].

Митрофан не выказывает пламенного рвения к учению. Долгие часы, посвященные овладению грамотой и арифметикой, не приносят ожидаемых результатов. Юный дворянин настоящий невежда: он едва умеет считать и читать. Единственной мыслью, занимающей неспособного к наукам недоросля, становится нетерпеливое предвкушение предстоящей женитьбы. В свою очередь, госпожа Простакова, слепо любящая своего единственного сына, ограждает его от излишнего умственного труда, способного нанести вред изнеженному «ребенку».

5. «Учение – это путь к благонравию»:

а) Правдин. *Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...*

Стародум. *Без нее просвещеннейшая умница – жалкая тварь* [3, с. 119].

б) Стародум. *Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. <...> Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек – чудовище* [3, с. 150–151].

в) Стародум. <...> *Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое*

оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу [3, с. 174–175].

Истинно просвещенные дворяне Правдин и Стародум искренне убеждены, что самым главным в человеке является его душа как некая особая сила, данная Богом при сотворении. Бессмертная по естеству, она обладает способностью мыслить и чувствовать, направлять на путь добродетели, посылая руководящие импульсы. Обитающая в теле человека, благонравная душа подчиняет ум и обращает его в праведное русло. Уму не требуется беспокойно искать ответы на глубинные вопросы: добродетельная душа подсказывает их. Неуклонное следование ума духовно-нравственным ориентирам и составляет его ценность. Это означает, что лишь благочестивому человеку присущи чистый ум и чистое познание. Тот же, кто лишен внутренней духовной опоры и прислушивается исключительно к голосу разума, бахвалясь им, превращается в чудовище, поскольку даже живость и пронизательность ума не в силах заменить духовно-нравственных достоинств.

Опираясь на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы выявили и охарактеризовали концептуальные метафоры со сферой-источником «учение», представленные в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». Мы пришли к выводу, что представители необразованного дворянства расценивают процесс учения как средство получения практической пользы, неприятную необходимость, оскорбляющую честь и достоинство «порядочного» дворянина, для вхождения в большой свет, олицетворение страдания и опасности для неокрепшего ума. Говоря об истинно образованном дворянстве, учение имеет смысл лишь в том случае, если ему сопутствует благонравие.

Концептуальные метафоры со сферой-источником «учение» в комедии
Д.И. Фонвизина «Недоросль»

Литература

1. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. Вып. 1. С. 16–32.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изда-во ЛКИ, 2021. 256 с.
3. Фонвизин Д.И. Комедии. М.: Дрофа-Плюс, 2008. 192 с.

References

1. Budaev E.V. (2007) Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory [The formation of the cognitive theory of metaphor]. *Linguoculturology*. Iss. 1. Pp. 16–32. (In Russian).
2. Lakoff J., Johnson M. (2021) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: LKI Publishing. 256 p. (In Russian).
3. Fonvizin D.I. (2008) *Komedii* [Comedies]. Moscow: Drofa-Plus Publishing. 192 p. (In Russian).